

Хань Сюэцин только что закончил переписывать сто раз Формулу Чистого Сердца, связав листы в увесистую стопку. Его запястья ныли, словно он протаскал ведра с водой, и он, растирая руки, тяжело вздыхал. В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в комнату, словно порыв ветра, пахнувший кунжутом, ворвалась Линь Ваньэр. В руках она держала шкатулку, расшитую парами уточек-мандаринок, которая так ярко блестела, что у него зарябило в глазах.

— Младший брат! Скорее! Посмотри, что я принесла! — Линь Ваньэр плюхнула шкатулку на стол. Золотые нити на уточках едва не коснулись только что законченных бамбуковых свитков. Хань Сюэцин в испуге поспешно отодвинул их в сторону — это был результат его бессонной ночи, и если бы свитки испачкались, наставник Лин Хань наверняка заставил бы его переписывать всё еще сотню раз.

Хань Сюэцин массировал ноющие запястья, а на душе скребли кошки. После случая с нагрудником в Пруды Очищения Духа подарки Линь Ваньэр стали попадать в цель с точностью лучника, каждый раз больно ударяя по его тайне — переодеванию в девушку. Он устался на нежно-розовую шкатулку, украшенную розовыми кисточками, и та показалась ему бомбой замедленного действия, готовой в любой момент погубить его репутацию.

— Угадай, что внутри? — Линь Ваньэр кокетливо прижала шкатулку к груди, ее глаза сияли, словно она только что украдкой напилась медовой воды. — Моя матушка заказала это в самом известном Павильоне Парчи города Цинъян, целых три серебряных монеты отдала!

Хань Сюэцин сглотнул и пробормотал:

— Только не говори, что... это опять какая-то странная одежда?

— Что значит странная! — Линь Ваньэр шутливо ткнула его в лоб. — Это самая что ни на есть приличная вещь! — С этими словами она щелкнула крышкой. Внутри лежало розовое платье жуцюнь. Ткань из облачной парчи была мягкой, словно само облако, подол украшали многослойные узоры из цветов бегонии, края лепестков были прошиты золотыми нитями, а на вороте поблескивали крошечные жемчужины. Стоило лучу солнца упасть на них, как Хань Сюэцин едва не зажмурился от блеска.

Глядя на это платье, нежное до невозможности, он почувствовал, как уголок рта нервно дернулся. В клане Хань он носил либо черные боевые костюмы, либо темно-синюю рабочую одежду — он даже светлых тонов в руках не держал. Если он наденет это, его примут за самую изнеженную куртизанку города Цинъян, а не за ученика Секты Чистого Сердца, практикующего искусство меча. А если кто-нибудь попросит его покружиться, чтобы показать подол, не придется ли ему прямо на месте демонстрировать выпад с мечом?

— Ну как? Красиво же! — Линь Ваньэр подняла платье и, не слушая возражений, приложила его к нему. Ткань коснулась рук — мягкая, но от этого прикосновения Хань Сюэцин застыл, словно молодой росток, обвитый лианой. — Я специально просила матушку сделать по твоим меркам. Смотри, какая талия, какая длина рукавов, точно по фигуре!

Хань Сюэцин попятился, отчаянно замахав руками, чуть не сбив стул:

— Н-нет, не нужно, старшая сестра! У меня в шкафу полно одежды! Боевой костюм Пурпурного Заката, который ты давала в прошлый раз, очень хорош — он и немаркий, и для тренировок удобен. Правда, не стоит беспокоиться...

— В боевом костюме на праздник любования цветами не ходят! — Линь Ваньэр сунула платье ему в руки с такой силой, что он едва удержал его. — На празднике нужно выглядеть женственно. Придешь в костюме — все подумают, что ты пришел рубить цветы! Да и посмотри на свой шкаф: сплошное серое да фиолетовое, как у старичка. Давно пора обновить гардероб!

Хань Сюэцин сжимал розовое платье, словно держал в руках раскаленный уголь — руки онемели от жара. Ворот был довольно глубоким, а на груди красовались два огромных цветка бегонии. Он украдкой ткнул пальцем в лепестки — мягкие, как вата. На душе стало еще тревожнее: если он выйдет в этом, все только и будут делать, что глазеть на его грудь.

Он бросил умоляющий взгляд на Су Лин, но та, прислонившись к дверному косяку, прикрывала рот платком и тихо посмеивалась, глядя на него с явным удовольствием.

— Младшая сестра, прими подарок, — Су Лин подошла ближе и поправила воротник платья. Коснувшись ткани, она не удержалась от похвалы: — Эта облачная парча такая приятная на ощупь. Ваньэр от всей души старалась, нельзя же обесценивать ее труд. К тому же у тебя кожа светлая, в розовом ты будешь выглядеть великолепно, куда ярче остальных сестер.

Хань Сюэцин посмотрел на их полные надежды лица — они напоминали двух бельчат, ожидающих угощения. Отказать было неловко: Линь Ваньэр наверняка долго уговаривала мать, а Су Лин, хоть и не помогала, сейчас заступает за подругу. Если он снова откажется, это будет выглядеть как черная неблагодарность.

— Т-тогда спасибо, сестра Ваньэр, — Хань Сюэцин, набравшись храбрости, кивнул, а голос его прозвучал тонко, как писк комара. — Я... я завтра надену его на праздник.

Линь Ваньэр расцвела в улыбке и так хлопнула его по плечу, что он едва не поперхнулся:

— Вот это правильно! Завтра с утра помогу тебе сделать прическу, наденешь мою жемчужную заколку, и ты гарантированно станешь главной красавицей на празднике! Все ученики глаз с тебя не спустят!

Хань Сюэцин выдавил из себя смешок и, прижимая розовый сверток, юркнул к своей кровати. Пока никто не видел, он запихнул платье на самое дно шкафа и прикрыл его двумя старыми халатами. Сейчас он молился лишь о том, чтобы завтра пошел ливень и праздник отменили, или чтобы Линь Ваньэр проспала и забыла обо всем.

Но небеса распорядились иначе. На следующее утро Хань Сюэцин, который во сне как раз практиковался в искусстве меча, был грубо выдернут из постели. Он сонно открыл глаза и

увидел Линь Ваньэр с гребнем и заколкой, а за ее спиной — Су Лин с коробочкой румян. Обе выглядели как маленькие девочки, наряжающие куклу, и их глаза пугающе блестели.

— Младшая сестра! Вставай! Праздник начинается в час Дракона, опоздаем! — Линь Ваньэр усадила его перед зеркалом. Гребень резко прошелся по волосам, и Хань Сюэцин вскрикнул от боли. — Ой, не дергайся! Испортишь прическу!

Хань Сюэцин закрыл глаза, смирившись с судьбой. Когда гребень касался кожи головы, его начинало щекотать. Он едва не рассмеялся, но стоило ему приоткрыть рот, как Су Лин нажала ему на плечи:

— Не двигайся, сейчас брови подведем.

Он открыл глаза и посмотрел на свое отражение в медном зеркале: брови были выведены в тонкие дуги, даже тоньше, чем у Су Лин, и напоминали двух крошечных гусениц, притаившихся на лбу. Щеки были нарумянены и пылали, как яблоки на солнце, а губы покрыты розовым блеском, словно он только что украдкой лакомился медом.

— Сестра, это... не слишком ли ярко? — Хань Сюэцин с тревогой смотрел на незнакомую девушку в зеркале. — Это же просто праздник любования цветами, зачем такая помпезность?

— Ярко — значит хорошо! — Линь Ваньэр разделила его волосы на пряди и начала плести косички. — Посмотри на других сестер, разве они не наряжаются? Если ты придешь с бледным лицом, только проиграешь.

Су Лин тоже кивнула, выбирая розовую ленту:

— Добавим ленту, будет еще изящнее. Кстати, к этому розовому платью она подойдет идеально.

При виде платья у Хань Сюэцина сердце ушло в пятки. Он набрался смелости, взял наряд и спрятался за перегородку. Ткань действительно была мягкой, но в ней он чувствовал себя крайне неудобно. Ворот казался слишком глубоким — ему чудилось, что ветер задувает прямо под одежду; пояс затянут так туго, что не хватало воздуха; а подол был настолько длинным, что, сделав пару шагов, он чуть не растянулся на полу.

— Сестра, ты переоделась? Выходи скорее, покажись! — раздался за дверью нетерпеливый голос Линь Ваньэр.

Хань Сюэцин глубоко вздохнул и, словно выходя на поле боя, распахнул дверь. Увидев его, Линь Ваньэр и Су Лин просияли, словно перед ними расцвел пион.

— Боже мой! Как красиво! — Линь Ваньэр подбежала к нему, взяла за руки и начала осматривать со всех сторон. — Я же говорила, розовый тебе к лицу! Посмотри на этот подол, на

жемчужный воротник — ты словно сошла с картины!

Су Лин тоже одобрительно кивнула:

— И правда, кожа стала еще белее. На празднике ты обязательно привлечешь всеобщее внимание.

Хань Сюэцин покраснел, как вареный рак, и мечтал лишь провалиться сквозь землю. Он опустил голову, пытаясь спрятать подбородок в воротнике, но тот был слишком низким, что делало его вид лишь более кокетливым.

— Идем на праздник! — Линь Ваньэр потянула его за собой. Она шла так быстро, что Хань Сюэцин едва поспевал, передвигаясь маленькими шажками — он боялся не только наступить на подол, но и выдать себя мужской походкой.

По пути они действительно притягивали взгляды. Несколько учениц в светло-зеленых платьях перешептывались, глядя на него:

— Посмотри на платье сестры Хань, это из Павильона Парчи? Моя матушка говорила, что их облачная парча стоит три серебряных за отрез!

Мимо прошел один из учеников, засмотрелся на подол Хань Сюэцина, врезался в дерево и пробормотал себе под нос:

— Как же искусно вышиты эти бегонии...

Уши Хань Сюэцина горели так, что, казалось, вот-вот пойдет кровь. Он опустил голову еще ниже, мечтая спрятать лицо в рукавах. Он попытался ускорить шаг, но запутался в подоле и чуть не упал — Су Лин вовремя подхватила его.

— Иди тише, не торопись, — Су Лин сдерживала смех, приподнимая его подол. — Посмотри на себя, суетишься, как мышь, за которой гонится кот.

Хань Сюэцин буркнул:

— Все из-за этого платья...

У входа в сад они столкнулись с Чу Юньси. Она была в серебристо-сером боевом костюме, с длинным мечом в руках. Красный шнурок на эфесе покачивался при каждом движении, придавая ей вид настоящего воина. Увидев Хань Сюэцина, она заметно опешила, в ее глазах мелькнуло изумление.

— Сюэцин? Ты сегодня... — Взгляд Чу Юньси задержался на розовом платье, и в уголках ее губ появилась улыбка. — Оно тебе идет, ты выглядишь куда женственнее, чем в боевом костюме. Специально готовилась к празднику?

Хань Сюэцин поспешно опустил голову, вцепившись пальцами в подол. Его голос звучал едва слышно:

— Это... сестра Ваньэр сшила. Она сказала, что на празднике нужно быть нежной, а не в боевой одежде.

— Хм, она права, — Чу Юньси кивнула, еще несколько секунд изучала его и перевела взгляд. — На празднике много людей, будь осторожен, не наступи на подол. Пойдем, я провожу тебя к хорошему месту.

Хань Сюэцин кивнул и пошел следом, чувствуя себя еще более напряженно. Чу Юньси славилась своей проницательностью — в прошлый раз она сразу заметила, как он сдерживал силу во время тренировки. А если она заметит неладное сейчас, в этом нелепом платье? Он попытался выпрямить грудь, но тут же расслабился — вдруг это выдаст его мужскую натуру?

Наконец они добрались до места проведения праздника. Сад был полон цветов: величественные пионы, изящные розы, пышные гроздья бегоний — в точности как на его платье. В центре стояли деревянные столы с лакомствами: пирожными с османтусом, миндальным печеньем, цукатами и дымящимся цветочным чаем. Ученики оживленно беседовали, и вокруг царила атмосфера шумного рынка.

Линь Ваньэр усадила Хань Сюэцина за столик у окна и тут же протянула пирожное:

— Попробуй! Это мастер Чжан из кухни приготовил, я с утра ходила, чтобы успеть урвать, еще горячее!

Хань Сюэцин откусил кусочек, как вдруг позади раздался холодный, чистый голос:

— Сюэцин, сегодня ты выглядишь необычно.

Сердце у него пропустило удар. Он обернулся — перед ним стояла наставница Лин Хань. Она была в лунно-белом даосском халате, в руках держала бамбуковый свиток, а волосы были собраны деревянной заколкой. Она выглядела мягче, чем обычно, но глаза оставались такими же ясными и пронзительными, словно видели его насквозь.

— Наставница! — Хань Сюэцин вскочил и чуть не выронил пирожное. — Вы тоже пришли на праздник?

— Да, решила посмотреть на ваше веселье, — Лин Хань села рядом и окинула взглядом его подол. В ее голосе послышались насмешливые нотки: — Платье красивое, вот только подол слишком длинный. Ходи осторожнее, а то споткнешься и начнешь крутиться, как юла — станешь посмешищем для всех.

Лицо Хань Сюэцина вспыхнуло, будто его окатили кипятком. Он поспешно приподнял подол, вцепившись в край, и тихо пробормотал:

— Я... я буду осторожен, спасибо за предупреждение.

— Не за что, — Лин Хань взяла миндальное печенье и принялась медленно жевать. — Слышала, ты вчера на тренировке постоянно сдерживал силу. Неужели испугался, что порвешь новое платье?

Хань Сюэцин замотал головой:

— Нет! При чем тут платье! Я просто еще не освоил технику Разреза Холодной Луны, вот и...

— О? Неужели? — Лин Хань приподняла бровь, но не стала допытываться, а указала на цветочный чай. — Этот чай заварен на сливовых цветках с задней горы, он согревает. Выпей, чтобы не замерзнуть, если поднимется ветер.

Хань Сюэцин кивнул и сделал глоток. Чай был теплым, с тонким ароматом сливы, но внутри у него всё дрожало. Ему казалось, что взгляд наставницы то и дело возвращается к нему, словно она что-то выискивает.

В этот момент подул ветер, лепестки бегоний закружились в воздухе, а подол платья Хань Сюэцина взметнулся, как распускающийся розовый цветок. Он поспешно схватился за него, но от резкого движения нечаянно толкнул сестру Ли.

У той в руках была чашка чая, от толчка она качнулась, и жидкость выплеснулась прямо на платье Хань Сюэцина, оставив большое темное пятно, которое на розовой ткани выглядело как некрасивая клякса.

— Прости! Прости, я не специально! — Хань Сюэцин в панике начал извиняться. Его сердце колотилось, как пойманный заяц — мокрая ткань прилипла к телу, обрисовывая ширину плеч, а пояс, намокнув, затянулся еще сильнее. Он чувствовал ледяной холод ткани на своей коже.

Сестра Ли тоже засуетилась, выхватила платок и принялась тереть пятно:

— Ничего страшного! Это я сама виновата, не удержала чашку!

Линь Ваньэр и Су Лин тоже бросились на помощь, но чай уже пропитал облачную парчу, и вместо того чтобы очистить платье, они лишь размазали пятно, которое расплзлось от талии до самого подола. Выглядел он крайне жалко.

Хань Сюэцин смотрел на испорченное платье, и к горлу подкатил ком. Он и так не хотел его надевать, а теперь, когда оно намокло, появилась угроза разоблачения. Глаза защипало, и он, как обиженный зайчонок, едва сдерживал слезы.

— Мне... мне нехорошо, я пойду, — сказал он и, не дожидаясь ответов Линь Ваньэр и Су Лин, бросился прочь. Он боялся, что если останется, то расплатится прямо здесь, или что кто-то

заметит его странности.

Подол мешал, он несколько раз чуть не упал, а жемчужная заколка выскользнула из волос и покатилась по земле, но он не посмел обернуться. По пути многие ученики провожали взглядами его жалкую фигуру и перешептывались, но ему было не до того. Он хотел лишь одного — быстрее вернуться в свою комнату и содрать с себя это проклятое розовое платье.

Вбежав в комнату, Хань Сюэцин с грохотом захлопнул дверь и прислонился к ней, тяжело дыша. Глядя на мокрое платье, он чувствовал себя всё более несчастным. Сорвав с себя наряд, он бросил его на стул — с подола продолжали капать капли, оставляя лужи на полу.

— Больше никогда не надену розовое! И больше никогда не пойду на этот праздник! — Хань Сюэцин сидел на кровати, обхватив колени, и тихо всхлипывал. Его глаза покраснели, как у зверька, который только что выплакался.

Он не знал, что за его странным поведением на празднике всё это время наблюдала Лин Хань. Она смотрела на его убегающую фигуру, затем на упавшую на землю жемчужную заколку, и в ее глазах мелькнуло сомнение. С чего бы обычной ученице так остро реагировать на пролитый чай? И то, как она схватилась за подол — в движениях запястий чувствовалась жесткая сила человека, тренировавшегося по мужским канонам меча.

— У этой девчонки секретов больше, чем сладостей в шкатулке, — пробормотала Лин Хань, подняла заколку и стерла с нее пыль. Она уже приняла решение: нужно как следует разузнать, кто такой Хань Сюэцин, иначе эта девчонка рано или поздно натворит дел.

<http://bllate.org/book/18929/1852218>